

Причиной для эмоций Сюэ Хэ было не то, что Чэнь Чаншэн высвободил его от его горького пленения и позволил ему вернуться к его жизни служащего. Скорее, он был благодарен, что Чэнь Чаншэн похоронил тело его старшего брата, пришел на похороны, позаботился о его племяннике и племяннице, и даже защитил Город Провинции Цун. В несколько недавних лет штаб Армии Провинции Цун уже вернул былую славу дней Сюэ Синчуаня. То, что его можно было считать одним из важнейших армейских штабов Великой Чжоу наряду с Перевалом Снежных Владений и Синим Перевалом, было связано с тем, что у него была помощь старых подчиненных Сюэ Синчуаня.

Чэнь Чаншэн сказал: «Нет надобности для такой учтивости. Пожалуйста, встаньте».

Сюэ Хэ знал его характер, так что встал, сказав своей жене и детям уйти.

Перед уходом Младшая Мадам Сюэ нервно взглянула на него, задумываясь, была ли надобность приготовить банкет? Будут ли двое Святых недовольны?

Сюэ Хэ не заметил выражения лица своей жены, так как все его внимание было сосредоточено на Цилине Красного Облака, которого вел Чэнь Чаншэн.

«Кое-кто хотел, чтобы я привел его к вам в надежде, что в ближайшем будущем вы поведете его в Город Сюэлао».

Чэнь Чаншэн добавил: «Я думаю, что Божественный Генерал Сюэ Синчуань будет счастлив видеть этот день».

Сюэ Хэ взял вожжи и сказал: «Будьте налегке, Ваше Святейшество. Я определенно хорошо позабочусь о нем».

Цилинь Красного Облака был невероятно умным. Он уже узнал этого человека и опустил голову, легонько касаясь его щеки.

Сюэ Хэ был растроган, но когда подумал о том, что, наиболее вероятно, Император попросил Попа привести Цилиня Красного Облака, он также испытал беспокойство.

Он серьезно заявил Чэнь Чаншэну: «Я только знаю, что Его Святейшество подарил его мне».

В этих словах был только один смысл: преданность.

Вот почему он сказал своей семье поклониться Чэнь Чаншэну.

Хотя император дал ему пост Божественного Генерала штаба Армии Провинции Цун, он хорошо осознавал, кто был настоящим благодетелем клана Сюэ.

Клан Сюэ следовал за Чэнь Чаншэном.

Как клан Сюэ Провинции Цун, так и клан Сюэ, который жил на Дороге Мира в столице.

Пока клан Сюэ существовал, пока он все еще жил, Армия Провинции Цун будет следовать только за Дворцом Ли.

Даже если между Имперским Двором и Ортодоксией снова начнется вражда, он немедленно возьмет свою армию десятков тысяч и встанет за Чэнь Чаншэном.

Даже если казалось, что Император и Поп были близкими людьми, и у них была связь между боевыми братьями, превосходящая кровных братьев, делая такое невозможным... Кто мог сказать, что могло случиться в будущем? Когда Император Тайцзу повел свою армию из Графства Тяньлян, могли ли те молодые принцы представить всю кровь, которая потечет в Саду Сотни Трав через несколько десятилетий?

Чэнь Чаншэн знал, что Сюэ Хэ ошибался, и сказал: «Это, вероятно, воля со стороны Лояна».

Услышав эти слова, Сюэ Хэ замолчал на очень долгое время.

Восточная столица Лояна молчала все эти годы, но многие взгляды все еще наблюдали за ней.

Почему? Потому что там был Монастырь Вечной Весны.

Когда кто-либо упоминал Лоян сейчас, если это было сказано без уточнений, то он ссылался на Монастырь Вечной Весны, ссылался на пожилого даосиста, проживающего в его стенах.

Если Цилинь Красного Облака был действительно прислан Монастырем Вечной Весны, смысл был кристально ясен.

«Этот генерал не смеет удерживать злобу».

Сюэ Хэ говорил очень медленно, невероятно серьезным тоном.

Так как он сделал это решение, он не хотел, чтобы Поп думал, что он что-то скрывает от него.

Даже если произношение этих слов делало его крайне недовольным.

«Если подумать о вещах, которые невозможно контролировать, любовь и ненависть среди них. Более того, у вас есть причина ненавидеть, так у кого есть право останавливать вас от ненависти?»

Чэнь Чаншэн добавил: «Но прежде, чем мы ворвемся в Город Сюэлао, мы должны временно забыть эти вещи».

Армия Провинции Цун, ведомая Сюэ Хэ, была основной силой в этой войне.

Тот человек вернул Цилиня Красного Облака без единого слова, но более глубокий смысл был ясен.

Это был в точности смысл слов Чэнь Чаншэна.

.....

.....

Пока сумерки углублялись, Чэнь Чаншэн и Сюй Южун решили не есть в поместье Божественного Генерала, вместо этого решив немедленно уйти.

Сейчас они оба были должны оседлать журавля вместе.

Такие обстоятельства много раз имели место, и Белый Журавль уже привык к этому, но он немедленно почувствовал, что сегодня что-то было иначе.

Открытая страна была безграничной в туманных сумерках.

Сюй Южун внимательно осматривала пейзажи. Когда Чэнь Чаншэн говорил с ней, она отвечала на четыре или пять его фраз одной, и казалась довольно отчужденной.

Белый журавль вспомнил слова Сяо Чжана и задумался, действительно ли что-то могло быть не так между ними двумя?

Даже кто-то настолько медленный, как Чэнь Чаншэн, заметил отчужденность Сюй Южун, и знал, что что-то было не так.

К сожалению, он не знал, в чем была проблема, или откуда эта проблема взялась. Он даже не знал, как начать спрашивать ее, в чем была проблема.

Холодный ветер, давящий на его лицо, не только не смог очистить его разум, но и сделал его более грязным.

Белый Журавль полетел на юго-запад, и через короткое время влетел в Графство Тяньлян.

Видя это знакомое пространство и тот знакомый город, Чэнь Чаншэн вспомнил свое долгое путешествие с Су Ли. Он не мог подавить свою ностальгию.

Последовав его приказам, Белый Журавль приземлился в лесу за городом. Во время спуска Чэнь Чаншэн заметил, что самое большое поместье в городе пустовало, и главные ворота были крепко закрыты. Он озадаченно думал, мог ли Лян Вансунь уйти? Почему поместье было совершенно пустым?

Белый Журавль улетел в сумерки, а Чэнь Чаншэн и Сюй Южун вышли из пышного леса рядом с дорогой.

Город Сюньян был древним городом, но его южные ворота выглядели довольно новыми. По крайней мере, в них не ощущалась древняя аура.

«В том году твоя учительница разбила эти городские ворота, хорошенько избив Гуань Синкэ и Чжу Ло».

Чэнь Чаншэн взволнованно вспоминал о тех событиях, но он также стыдился своего неумения рассказывать истории. Он подумал про себя, что если бы это был Танг Тридцать Шесть, он определенно рассказал бы историю в гораздо более волнительной манере.

История о буре в Городе Сюньян давным-давно распространилась по всему континенту. Сюй Южун давным-давно узнала все детали этой истории, и ей просто не было нужно объяснение Чэнь Чаншэна.

Она улыбнулась, глядя на городские ворота и думая о своем учителе.

Чэнь Чаншэн испытал небольшое облегчение, так как его распоряжения были верны.

Войдя в Город Сюньян, они направились прямо в Поместье Лян.

Ворота Поместья Лян были крепко закрыты.

Пройдясь духовным чувством, они подтвердили, что внутри никого не было.

Сбитые с толку Чэнь Чаншэн и Сюй Южун переглянулись. Они задумались о том, что могло случиться, вынудив Лян Вансуня распустить всех в его поместье?

Они вошли в поместье, увидели ту известную имперскую повозку, а затем обнаружили письмо, оставленное Лян Вансунем.

У Лян Вансуня было могущественное влияние на людей и культиваторов севера. Дворец несколько раз издавал указ, приглашая его войти в имперский двор, но он всегда отказывался.

Так как он был потомком предыдущего Имперского клана, его ненависть к Имперскому клану Чэнь была до глубины костей, так что он никогда не пожелает помогать им.

Они пришли в Город Сюньян, чтобы убедить его. Ранее Лян Вансунь приходил в столицу, помогая Божественной Императрице Тяньхай управлять Имперским Проектом, так что он должен был оставить хорошее впечатление на Сюй Южун.

Но никто не ожидал, что Лян Вансунь немедленно заберет старых и молодых из Города Сюньян с собой в тот миг, как получит новости из столицы. Он даже не желал встречать их.

Но Лян Вансунь все очень ясно написал в своем письме: он никогда не станет помогать Имперскому Двору, но если он действительно понадобится, то он появится.

Одной этой фразы было достаточно, но он также оставил имя на письме.

Чэнь Чаншэн и Сюй Южун покинули поместье и вышли на улицу.

Многие солдаты поспешно проходили мимо них с полубессознательным видом.

Различные армии провинции и графств уже были в процессе передислокации, одновременно проводя полевые учения.

Логически говоря, они не появятся на поле боя, но никто действительно не знал, сколько людей умрет в этот раз.

Даже Имперская Стража, защищавшая Имперский Дворец, была готова мобилизоваться на север в любой момент, так как можно было исключить их?

Смертей на поле боя было не избежать, и часто звучала фраза 'шаг в брешь, оставленную павшими'.

Чэнь Чаншэн понимал, что это было необходимо, но все еще почувствовал себя довольно потрясенно.

По его мнению, вот-вот погибнут десятки тысяч людей.

Временами он считал, что ему повезло быть Попом, а не Императором, иначе эти указы и приказы о призыве проходили бы через его руки.

А затем он понял, что был крайне опрометчив к своему старшему брату, думая таким образом.

Он знал, что его старший брат идеально исполнит эти дела, но, как и он, его старший брат не любил делать эти вещи.

Улица за Поместьем Лян называлась Зеленью Четырех Времен Года. Это была самая прямая

улица в западной части Города Сюньян, и вдоль нее не было магазинов, только две идентичных стены из серого камня.

Улица была тихой, но из какого-то внутреннего двора доносилась музыка, как будто кто-то напевал оперу.

Чэнь Чаншэн и Сюй Южун последовали за этим звуком. Пройдя через аллею, они вышли к воротам поместья, с двумя рядами красных ламп, висящих над ними.

Лампы были сделаны из невероятно красной бумаги, и цвет был таким плотным, что бумага все еще казалась влажной. Свет сальных свечей, сияющий насквозь, выделялся, как кровь.

Сюй Южун взглянула на эти лампы, нахмутив тонкие брови, как будто думая о чем-то.

Из поместья доносился звук пения, но никто не мешал Чэнь Чаншэну и Сюй Южун входить.

Их поприветствовала широкая каменная площадь, выложенная большими и неполированными камнями. В ней не было чувства утонченности, и из-за пылающих факелов вокруг это место было больше похоже на пустоши поля боя.

Перед ними была сцена, на которой горели толстые, как рука, жировые свечи. Огни сияли на заднюю стену, на которой была белая бумага, создавая величественную белизну, как будто сейчас был день.

Человек исполнял оперу. Он был одет в красное платье и украшен безвкусным макияжем.

Он не скрывал свое горло одеждой с высоким воротником, и не поднимал высоту голоса намеренно. Пока он пел, его голос, немного грубый и изысканный, был довольно трогательным.

Пение прекратилось без какого-либо предупреждения.

Человек посмотрел на Чэнь Чаншэна позади и спросил: «Что Сэр думает о моей опере?»

Немногие люди пришли сегодня посмотреть его оперу, только десяток человек. Они разрозненно сидели перед сценой. Судя по их одежде и манерам, они, вероятно, были ведущими фигурами Города Сюньян. Вопрос от человека на сцене заставил их обернуться. Увидев Чэнь Чаншэна и Сюй Южун, они все были шокированы.

Лян Хунчжуан сегодня исполнял оперу в своем поместье для собственной потехи. Он все еще пригласил лучшую театральную труппу из Города Ланьлин, и все еще пел известную 'Весеннюю Ночную Мелодию', и все еще играл роль очаровательной и приятной невесты. Когда песня начинала приближаться к кульминации, его брови взлетали, а глаза становились мягче, он увидел, как снаружи входит эта молодая пара. Он подумал про себя: 'Наконец-то вы здесь'.

«Я никогда не слушал оперу ранее, но думаю, что она превосходна».

Чэнь Чаншэн задумался, после чего добавил: «Кажется, что она немного отличается от опер в столице».

«Когда я был маленьким, я отправился в Лулин и там изучал оперу. Они немного странно поют там, но это неплохо звучит».

Лян Хунчжуан подметил: «Я слышал, что это стиль пения Великого Западного Континента,

хотя не знаю, правда ли это».

Те ведущие фигуры Города Сюньян осмотрели внешний вид Чэнь Чаншэна и Сюй Южун, особенно девушки, и быстро догадались, кем они были.

Чайные столики попадали на землю, а стулья были перевернуты.

Ведомая правителем и архиепископом Города Сюньян толпа серьезно поклонилась.

Чэнь Чаншэн взмахнул рукой, чтобы они поднялись, но казалось, что у него не было намерений говорить с ними. Поэтому толпа уважительно отошла в сторону, не смея говорить.

«Это дело десятка лет назад, когда погибли бесчисленные люди Поместья Лян. Мой отец тоже умер, а Большой Брат покинул дом. Я тогда жил жизнью страданий. Так как Имперскому Двору не нравился наш клан, не было никого, кому бы мы нравились, и так как ни один из старейшин не защищал меня, кто стал бы вести себя вежливо со мной? В худший период мне даже было нечего есть, так что я решил найти способ зарабатывать на жизнь. Отец любил слушать оперу, как и я. Я проявил пыл к этой работе, так что решил пойти этим путем, хотя в то время у меня не было других вариантов. Вы только что были в поместье? Тогда даже поместье было оккупировано...»

Выражения лиц ведущих фигур Города Сюньян постепенно менялись, пока они слушали Лян Хунчжуана. Что-то случится сегодня ночью?

Но затем Лян Хунчжуан затих на очень долгое время.

Изначально он планировал сказать много вещей.

Те люди, которые воспользовались тем инцидентом, чтобы захватить власть и богатства Поместья Лян, как раз были ведущими фигурами Города Сюньян, стоявшими перед ним.

Если бы Лян Вансунь не был столь талантливым, становясь экспертом Провозглашения Освобождения в раннем возрасте и развивая отношения со дворцом, разве эти люди пожелали бы опустить головы и отступить? Даже так, эти люди все еще использовали настороженность Имперского Двора к Поместью Лян и власть клана Тяньхай, чтобы помешать Поместью Лян отомстить.

Это были не те люди, кто действительно занял Поместье Лян. Для таких престижных фигур, как они, есть в такой манере было слишком неприглядно.

Когда он подумал о том хаотическом зрелище, которое поприветствовало его после возвращения в поместье три года спустя, Лян Хунчжуан вздохнул.

Он вынул коробочку из рукава и бросил ее Чэнь Чаншэну.

Коробочка содержала половину богатств Поместья Лян и могла послужить средствами для войны.

«Я хочу выпить вина», - внезапно сказал Лян Хунчжуан.

Через несколько мгновений на сцену поспешно вышла женщина средних лет с миской вина.

Лян Хунчжуан взял миску и опустошил ее. Затем он бросил ее на пол, где она рассыпалась в порошок.

Он посмотрел на небо со взглядом неопишемого презрения и трагедии на лице. Сойдя со сцены, он сбросил свою облачную обувь, выбросил свой шарф, и ушел во тьму.

Женщина волнительно позвала его: «Третий Молодой Хозяин, куда вы направляетесь?»

<http://tl.rulate.ru/book/1222/356260>